

Значение насилия в пьесах "Новой драмы"

Зиннатуллина Рената Маратовна

Студент (бакалавр)

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина,
Екатеринбург, Россия

E-mail: renata.zinnatullina@gmail.com

Русская культура начала XXI была отмечена мощным драматическим бумом. Молодые драматурги пишут огромное количество пьес, публикуют их в интернете, молодые режиссеры в свою очередь начинают работать под влиянием стиля этих пьес. Таким образом, возникает целое направление в русской современной драматургии, социокультурный феномен, имя которого - «Новая драма». Она появилась в результате поисков новой идентичности, новой драматургии, которая была бы созвучна театральным исканиям нового поколения, пережившего распад страны, перестройку, крушение советской идеологии и сложные для нашей страны 90е. Эти события стали ключевыми для развития не только социальной и экономической ситуации страны, но и культурно-эмоциональной составляющей проблематики нового общества.

Еще Антонен Арто [1] говорил о театре, что он должен быть «кровав и бесчеловечен» для того, чтобы внедрить в наше сознание идею вечного конфликта и спазма нашей жизни. Именно таким театром можно назвать НД, потому что она использует такие художественные приемы как насилие, ненормативная лексика, ритуальное действие, шокирование публики, гипернатурализм. Именно эти приемы позволяют драматургам и режиссерам «новой драмы» раскрыть понимание жизни их героев, часто маргинальных и неблагополучных, в современном обществе. В этой статье я хочу рассмотреть, как именно в НД представлено насилие и какой смысл имеет его применение в литературных произведениях этого театрального направления.

Насилие становится частью современного общества, оно рутинизируется, становится повседневной практикой, которой подвержен каждый человек. Это порождает так называемые «культуры насилия», к которым, несомненно, можно отнести как советскую, так и постсоветскую реальности, стоит только привести в пример режимы сталинского террора, систему взаимного надзора и коммунального контроля при хрущевском режиме и т.д.

Как отмечают М. Липовецкий и Б. Боймерс [5], насилие в НД приобретает как минимум три эстетические функции. Во-первых, оно образно и наглядно показывает распад советских социальных порядков, таким образом, выступая как индикатор культурного хаоса. Во-вторых, насилие демонстрирует новые постсоветские социальные практики, которые непосредственно связаны с перераспределением власти, собственности и других капиталов. В-третьих, насилие выступает как обозначение ритуальности действия, таким образом, приходя к ритуальному разрешению назревшего конфликта.

Например, действия монодрамы Евгения Гришковца «Как я съел собаку» [3] разворачиваются на острове Русском во время службы главного героя во флоте. Русский остров в пьесе (да и по рассказам служащих - в жизни) оказывается местом, где в человеке умирает все человеческое, где в первую очередь вытпывается его «Я». Человека там превращали в животное существо, биологическое тело, лишенное идентичности посредством каждодневного насилия над «разумом и плотью». «Опыт Русского острова - это не временная смерть, предполагающая новое рождение. Это травма, оставившая незарастающую зону смерти внутри не только героя, но и, думается, автора [5; с. 132].

... А этого мальчика уже нет. Посылка пришла не по адресу. Она пришла не к их милтому, единственному, умному мальчику. А к одному из многих грязных, затравленных и некрасивых пареньков, который имеет порядковый номер и... фамилию,... эту фамилию один раз в сутки выкрикивают на вечерней поверке...[3]

Пьеса, в которой, на мой взгляд, насилие представлено в концентрированном виде это пьеса Ивана Вырыпаева «Июль» [2], в которой речь идет о пути пенсионера-маньяка, убивающего практически все на своем пути с огромным удовольствием, начиная с оскорбленного его соседа, заканчивая женщиной, в которую он полюбил. Даже любовь в этой пьесе понимается как акт насилия, акт потребления одним человеком другого. «Более того, здесь выясняется, что насилие легко манифестирует *любые* потребности свободной личности. Насилие оказывается *универсальным и предельным означающим свободы*» [5; с.345].

Любовь - это блюдо на праздничном столе. Вот я, слегка не прожаренная любовь, лежу куском "венского шницеля" на столе в ожидании своего часа. Лежу летней, июльской любовью на сервированном столе и жду своего часа. Жду, когда мною насытятся те, кто любит подобную кухню. Лежу хлебом и вином, на обеденном столе и жду, когда меня съедят [2].

Почти все пьесы НД показывают повседневное, коммуникативное насилие над своими близкими, подчиненными, даже незнакомыми людьми, над теми, кого они любят или ненавидят. Такие приемы, как гипернатурализм, вербатим, обесцененная лексика, черный юмор позволяют драматургам и режиссерам «новой драмы» раскрыть проблемы современного общества, а также значение насилия в этом обществе.

«Новая драма» является феноменом осознания и художественного анализа коммуникативного насилия, его развития и логики. Жестокость является неотъемлемой частью таких произведений. Эта жестокость, во многом, выражается в перформативной сути театральных пьес и постановок, когда подчеркнутая документальность (жизнеподобие) представлена как чрезмерность, а поэтому они становятся нарочито театральными. Как писал Ж. Деррида о театре жестокости А. Арто, манифест которого во многом был воспринят авторами НД: «Театр жестокости не есть представление. Это сама жизнь - в той мере, в какой она непредставима. Жизнь есть непредставимый исток представления. Я сказал *жестокость*, как сказал бы *жизнь*» [4; с. 372].

Источники и литература

- 1) 1. Арто А. Театр и его Двойник. [Электронный ресурс]. Мартис, 2000
- 2) 2. Вырыпаев И. Июль // <http://www.rulit.me/books/iyul-read-51910-1.html> (дата обращения: 24.02.2015)
- 3) 3. Гришковец Е. Как я съел собаку // <http://lit.lib.ru/d/dedovshchina/grishkovets-dog.shtml> (дата обращения: 24.02.2016)
- 4) 4. Деррида Ж. Театр жестокости и закрытие представления // Письмо и различие. М.: Академический Проект, 2000. – 495 с. – («Концепции»)
- 5) 5. Липовецкий М., Боймерс Б. Перформансы насилия: Литературные и театральные эксперименты «новой драмы». – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 376 с